

А. Н. Кузин
Минск, МГЛУ

ДЕСЯТЬ ТЕЗИСОВ О ФЕНОМЕНОЛОГИИ ЯЗЫКОВОГО СОЗНАНИЯ

Феноменология изучает то, как нечто представляется сознанию. Предметом феноменологии может быть все, что каким-либо образом воспринимается: вещи, качества, действия, мысли, эмоции, телесные ощущения и т.д. В данном исследовании феноменология тезисно рассматривается в отношении к языку.

1. Есть тело. Есть язык. Психики как таковой не имеется. Представление о психике (или «душе» в обиходном понимании) создается взаимодействием телесных физиологических процессов и работы языка. На первый взгляд такие психические феномены, как мышление, память, внимание и др. – суть феномены физиологические. Доказать противное можно было бы, обнаружив мышление, память, внимание, которые происходили бы не на основе материального субстрата. Человеческая психика, таким образом, есть просто физиология, проработанная языком.

Т.н. внутренний мир человека, каким мы его знаем, просто не мог бы появиться, а затем развиваться до такой степени сложности без языка. Нельзя отрицать, что в развитии внутреннего мира человека огромную роль играют и неязыковые или не полностью языковые знаковые средства. Пластические искусства, действующие зрительно, такие как живопись, скульптура, фотография; музыка, чьим каналом восприятия является слух; такие синтетические искусства, как опера, театр, кино и т.д., задействующие сразу несколько каналов восприятия, также способствуют прорабатыванию внутренних пространств в человеке, однако без языка как своей интерпретирующей основы они бы никогда не получили такого развития.

2. Все без исключения указания на бестелесные психические сущности являются метафорическими. Психика есть для человека нечто невидимое до тех пор, пока на физиологические нервные реакции не накладывается сетка языковых метафор. Например, можно сказать нечто о сознании, только ограничившись неинформативным указанием вида «сознание представляет собой то, что ”включается”, когда мы просыпаемся и ”отключается”, когда мы засыпаем». Либо же, как это сделано в обыденном языке, обратившись к метафорическому языку второго порядка: сознание – это ‘знание вместе с кем-то’, сам же корень *зн-* происходит от протоиндоевр. **ǵen-* с исходным значением ‘рождать (ся)’.

3. Внутреннее психическое пространство концептуализируется по аналогии с внешним. Мы говорим о глубокой печали, высоких и низких побуждениях, широте души, узости взглядов. О том, что мысли и чувства закрадываются в сердце, что из души рвется крик. Наши самые абстрактные философские понятия и научные термины возникли в результате переносного употребления слов с вполне конкретным наглядным

значением. Этот факт, разумеется, не столь очевиден для носителей русского языка, поскольку в греческих и латинских словах, которыми мы пользуемся, не просматривается их внутренняя форма. Конечно, их теперешнее значение не сводится только к переносному употреблению в нетипичных ситуациях. Однако они бы не смогли развить эти новые самостоятельные употребления, если бы не отталкивались от прямых указательных значений, первоначально известных из опыта и из воплощенного существования в мире.

4. Помимо метафоризации другим важным процессом создания психики является процесс интериоризации. Сознание, судя по всему, менее важно для функционирования языка и, как это не покажется странным, даже для мышления, чем это обычно считается. Основные мыслительные операции являются, как можно полагать, не более чем интериоризацией действий, совершаемых нами телесно во внешнем мире. Анализ – это раздробление, разрывание, разрезание предметов на части. Синтез – складывание, прибавление, присоединение.

Внутренний мир есть нечто приобретаемое в процессе взросления, которое, если рассматривать его не в биологическом, а в социальном плане, есть интериоризация многих навыков и умений, в особенности же норм и запретов совместного общежития. Дети начинают жизнь полностью вовне. Даже тело поначалу есть для каждого ребенка нечто внешнее. – Понаблюдайте, сколь они неуклюжи, – и они должны научиться им управлять. Процесс создания «внутреннего мира» посредством языка известен начиная с пионерских работ Ж. Пиаже и Л. С. Выготского. Внешняя речь, обращенная к другому, становится эгоцентрической речью, на первый взгляд не обращенной ни к кому конкретно, а затем переходит во внутреннюю речь.

5. У языка есть своя феноменология, которая отлична от феноменологии органов чувств, но с нею соприкасается. Благодаря языку мы можем «видеть» отношения (например, справа-слева, больше-меньше и т.д.), хотя в реальности мы видим только предметы и без языка не знали бы, что один предмет находится справа, а другой – слева от первого. В некоторых других языках говорящий определил бы те же самые отношения по сторонам компаса – с южной стороны, с северной – и т.д.

Вы видите тропинку в горах. Казалось бы, на этом ваше восприятие остановилось. Но один из сохранившихся фрагментов учения Гераклита Эфесского гласит, что путь вверх и вниз один и тот же. Без языка такая мысль и новое восприятие вслед этой мысли были бы невозможны.

6. Языковая феноменология делится на: 1) общую феноменологию человеческого языка (языка вообще или Языка с большой буквы), которая свойственна всем языкам без исключения; 2) частные феноменологии отдельных языков.

6.1. С точки зрения говорящего устная неподготовленная речь в обыденных ситуациях обычно не представляет трудностей. Говорящий не испытывает неуверенности в отношении смысла того, что он хочет сказать, и слова приходят сами собой. Только в непривычных ситуациях и при разговорах с незнакомыми людьми язык словно начинает сопротивляться говорящему.

С точки зрения адресата ситуация во многом зеркальна. Если не происходит какой-то сбой, мы слышим не слова, но сразу значение, напрямую впитываем смысл того, что говорится. В живом общении, слыша неподготовленную речь, не нужно сознательно стремиться очистить ее от словесного мусора – слов-паразитов *ну, так, эта, типа*; заполнителей пауз, таких, как *э-э, мм, а-а*; начатых, но не договоренных слов и т.д. Обычно собеседники даже не слышат этой речевой накипи и напрямую обращаются к смыслу произносимого.

Говорят, что люди, живущие около водопада, перестают его слышать в силу привычности постоянного звукового сопровождения. Такова же ситуация с родным языком. Невозможно услышать, как звучит родной язык: приятно или грубо, мелодично или гортанно, с плавными переходами или резкими звуковыми углами. Язык невидим и неслышим для его носителей за исключением экстраординарных ситуаций.

6.2. Частная феноменология отдельных языков объясняется, помимо прочего, тем, что в языках могут быть по-разному представлены сферы основных ощущений и эмоций. Фундаментом западной цивилизации является зрение. Феномены понимания и разума описываются через метафоры света. *Озарение, уяснение, инсайт* (букв. ‘взгляд в’); естественный свет Декарта, равный разуму; ясность и четкость представлений и идей как критерий их истинности того же Декарта; само название эпохи Просвещения; *видеть, усматривать* и *рассматривать*, употребляемые не в своем первичном значении, но как ментальные предикаты. Слово *созерцание* приравнивает мышление к зрению. Хорошее выражение проясняет. Плохое – затемняет. Темный человек – это человек незнающий, безграмотный. Свет получает столь высокую оценку в культуре в немалой степени потому, что именно он позволяет укрепиться зрению. В других языках, однако, могут быть более разработаны те сферы ощущений и восприятий, которые очень бедны в языках европейских. Так, в некоторых языках существует развитая ольфакторная лексика и их носители гораздо лучше ориентируются в запахах. В экспериментах Асифы Маджид (Asifa Majid) и соавторов было установлено, что говорящие на маник (Maniq – название языка и малочисленной этнической группы, проживающей на юге Тайланда) и джахай (Jahai или Jehai – название языка и племени, обитающего в Малайзии) могут различать запахи столь же хорошо, как и цвета, тогда как англоговорящие, например, испытывают в последнем случае значительные трудности.

7. Общая феноменология языка различна для иностранного и родного языков. Тогда как родной язык явлен говорящему и адресату смыслом, т.е. планом содержания, иностранный язык представлен звуковой или графической материей, т.е. как план выражения. Поначалу изучающим

иностранный язык приходится очень трудно – они слышат слова, а не смысл. Форма получает перевес над содержанием. Это нехарактерно для повседневного пользования родным языком. Только если кто-то выражается в непривычной для нас манере или употребляет незнакомые слова, мы начинаем обращать внимание не на то, что говорится (смысл), а на то, как это говорится (форму). Вот почему (если дело не идет о языковой игре) люди в обыденных разговорах стараются избегать рифмы – она отвлекает внимание от содержания говоримого.

8. Прямое и переносное употребления языковых единиц, начиная с уровня морфем и выше, представляют собой разные модальности восприятия. Метафора, например, по общему согласию, дает нам новое видение, помогает увидеть нечто в предмете, явлении или ситуации, что мы до этого не замечали. Литота заставляет казаться предмет меньшим, гипербола – большим. Восприятие, определяемое небуквальными значениями, можно было бы считать психоделическим, если бы оно не было для нас таким привычным. Если бы действительно можно было воспринять то, что требуют от нас метафоры и другие тропы, это вызвало бы в нас оторопь. Вдумайтесь только в то, что говорит Ромео о Джульетте:

– Тсс! Что за свет там светит из окошка?

– Окно – восток, и в нем Джульетта – Солнце (2-е действие, сцена 2).

Было бы поистине незабываемым, переворачивающим все наши представления, переживанием, если бы мы могли действительно по-настоящему воспринять во всей полноте хотя бы один поэтический образ.

Это справедливо для всех небуквальных значений, но не только для них. Употребление слов и фраз в буквальном значении может также менять восприятие ситуации. Таков прием остранения, описанный В. Б. Шкловским, заставляющий взглянуть на нечто под новым углом зрения, так как предмет или ситуация описываются не свойственными для этого словами.

9. Тот факт, что метафору нельзя полностью объяснить, буквально аналогичен, но он не означает, что модальности восприятия не переводятся друг в друга. Метафора, как указывалось выше, дает новое восприятие, не сводимое к описанию того же самого буквально. Аналогичным образом фиолетовый цвет нельзя передать в звуке, тактильное ощущение касания шелка – в аромате; ничто из вышеперечисленного – во вкусе.

10. Тело есть неотъемлемая часть феноменологии языка. Когда мы говорим о феноменологии языка, то мы говорим не только о сознании. Это было бы картезианской ошибкой отделения души (т.е. «психики» в современном словоупотреблении) от тела. Ведь, как показывают концептуальные метафоры, говорим мы, обращаясь к своему телу как центру создания для нас новых значений, а следовательно, и понимания мира.

The paper presents 10 theses on the interface between language and mind using a phenomenological perspective.